

От редакции. В прошлом, 10-м выпуске нашего альманаха, вышедшем в ноябре 2011 года, был напечатан *реквием* «Отче наш», – как оказалось, прощальное произведение известного русского писателя, нашего земляка Бориса Черных, творчество которого высоко оценивали такие выдающиеся мастера слова, как Александр Солженицын, Фазиль Искандер, Валентин Распутин, Виктор Астафьев...

А 5 апреля 2012-го пришла скорбная весть о кончине писателя.

На просьбу редактора «Амура» подобрать для публикации письма или дневниковые записи Бориса Ивановича последних лет Майя Петровна Черных, вдова писателя, ответила не сразу:

«Александр Васильевич, я все эти месяцы пыталась что-то подыскать для альманаха. И не смогла. Дневниковые записи есть, но опубликовать их рано. Всё кровоточит: и текст, и сердце моё. Письма требуют обработки, комментариев. Время для них ещё не пришло.

Юношеские дневники и письма, по-моему, самое подходящее сейчас. В них прочитывается трепетная, искренняя и тонкая душа Б.И., как и в рассказах. Здесь, на Амуре, Черных видели борцом, бескомпромиссным и жёстким человеком, общественным деятелем. А ведь он писатель, лирик, попытавшийся «набросить голубой покров на наши печали» (сам говорил). Куда уж неожиданней».

Так и определилось, какими материалами откроется раздел, посвящённый памяти Бориса Ивановича Черных – замечательного прозаика, острого публициста, граждански мужественного человека.

ИЗ РАННИХ ДНЕВНИКОВ

Книжка первая. Школьные годы

1952 год

25 декабря. Решил писать дневник. Пустословить не хочу, буду записывать – как я думаю – полезное для себя. Например, делать выводы из прочитанных книг.

1953 год

3 февраля. Прочитал залпом «Евгения Онегина».

Слаб по химии, запустил, и не люблю. Влюблён в историю и литературу, нравится геометрия.

Учитель по физике не пользуется авторитетом у нас. А русский – если бы я знал в совершенстве русский, сейчас же бы сел писать книгу – так хочется рассказать о себе и о других.

6 марта. Умер Сталин. Шёл классный час. Неожиданно кто-то позвал Валентину Васильевну, она заплакала. Мы встали. Рыдания. Райка Гридина плакала навзрыд. Серёга Грезин стоял и улыбался. Валентина сказала: «Теперь надо хорошо учиться». Нас отпустили, в подтверждение нашей скорби на улице выл ветер и валил снег. Народ у почты стоял, слушал диктора.

7 марта. Сталина нет. Мама сказала: «Свято место не будет пусто».

25 марта. Забросил дневник. Маленков – Председатель Совета Министров, Ворошилов – Председатель Президиума Верховного Совета.

Прочитал Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», смеялся. Читал «Георгия Седова» и чуть не плакал. Питухин на память чьи-то стихи повторял: «И если смерть застиг-

нет у снегов, лишь одного просил бы у судьбы я – так умереть, как умирал Седов». Мама сказала, что без вашего Седова в Туруханске умирали штабелями, и замолчала. Под Туруханском она жила с отцом в ссылке. Это было давно.

2 апреля. «В жизни человека бывает период времени, от которого зависит мораль, судьба его, когда совершается перелом его нравственного развития. Говорят, что этот перелом наступает только в юности. Это неправда: для многих он наступает в самом розовом детстве». Помяловский.

21 мая. Экзамены. Первым был русский письменный, я его легко выдержал, а 25 мая будет устный, абсолютно ничего не знаю, учить лень. Успокаиваю себя тем: как остальные будут сдавать, если я не сдам?

26 мая. Сдал, чёрт возьми. Знал 12 билетов из 35. Попался тринадцатый, ответил на три, но Валентина поставила мне четвёрку – не знаю, за что. Скоро сдаём Конституцию СССР, это сдам.

15 июня. Алгебра, история, Конституция – пять, остальные – четвёрки. Учитель по русскому думает обо мне одно, а я думаю о себе другое.

26 июля. Рассказы Гоголя и биография Пушкина дореволюционного издания. Пушкин был небольшого роста, двигался быстро.

Разоблачили одну сволочь – Берия. Я шёл по городу – все портреты на месте, а Берия стоит внизу, снятый. В нашем правительстве прятался враг, вредивший нам многие годы.

16 декабря. Мысль организовать литературный кружок. Чтобы обстановка была деловая и люди – тоже. Как во времена Лермонтова. И чтобы музыка была – надо мною тихий голос пел...

1954 год

12 февраля. Собирались. Серёга взял прозу, Леонова тоже, Галя Горбылева – фантастику и критику, я – поэзию. Леонова читала рассказ, положила на юбку толстую тетрадь в клетку и стала читать. Скука.

Всё август. Сила, помогающая мне. Я чувствую, кто-то рядом со мной, сильный и добрый.

Прошли Беловежье в сосновом бору, я старался быть рядом с Валею, но это плохо удавалось – она такая красивая, что все ребята тянутся к ней. Хутор «Коммуна», в глухой тайге жалкое подобие хутора. Все постройки (свинарники и конюшни) разрушены. А название «Коммуна» осталось.

Кухтерин Луг. Искали молоко, затем напились колодезной воды и пошли в библиотеку. Изба, четыре голых стены, грязь. Книг две стопы. Вечером встреча по волейболу с леспромхозовскими, играть не умеют, площадка запущена. Клуб. «Человек с ружьём». Плюют семечки под ноги, на пол, матерятся прямо при девчатах. Духота в зале.

4 декабря. Незаметно пробегут года, просвистят в былые дни и ночи, но я не забуду никогда девушку из города восточного. Буду помнить школу и каток, где мы, взявшись за руки, катались, смех и грусть. Толпа на льду. Едва ли повторится это, друг. Едва ли... Рите Логашёвой.

17 декабря. Я не написал в домашнем сочинении («Я люблю свой родной город») о том, что мне нравится северо-западная окраина Свободного с кладбищем и колокольным звоном старой церкви, с ромашкой на улицах. Но я всё же написал – там много поэзии. Валентина сморщила лицо: «А заводы, а управление дороги, а стадионы – вот поэзия». Как гвоздём по стеклу, у Маяковского, сказал я. Валентина задыхнулась, по лицу пошли красные пятна.

1955 год

27 июля. Прощание до пяти утра с Ритой, я целовал её. На перроне мы стояли как чужие. Вечером я пошёл к Ксении Семёновне, и на Сталинской меня схватили спазмы, я шёл и ревел как мальчишка, и Ритина мама заплакала. Ксения Семёновна уложила меня в постель, я уснул, провалившись в сон.

1 декабря. В каждом произведении надо отличать три элемента. Самый главный – это содержание, затем любовь автора к своему предмету и, наконец, техника. Только гармония содержания и любви даст полноту произведению, и тогда обыкновенно третий элемент – техника – достигает известного совершенства сама собой. Толстой.

1956 год

11 февраля. В кладовке на гвозде отыскал старые выкройки, мама ворчит, газетная бумага еле держится. Я читаю то, что было до меня, многое не так, как в учебнике. Спросить некого, мать усмехается – мало ли что написано у вас в книгах. Она часто усмехается, но молчит. Надо бы записать кое-чего, но по выкройкам не угадаешь – обрезано ножницами в самом интересном месте. В читалке старых газет нет.

25 марта. Снова много читаю – Пушкин весь, снова весь Лермонтов. Лермонтов уже не убивает меня печалью, как было раньше.

21 апреля. Старые выкройки. Опровержение ТАСС о том, что в наших лагерях много людей. Вернулся муж Зины Искуловой, весь злой, его, оказывается, посадили за то, что он рассказал анекдот.

22 апреля. Нам читали письмо ЦК. Директриса сказала: поймут, не дети. Райка Гридина сидела, поджав губы, а Валентина вела себя будто ничего страшного.

23 апреля. Это всё отрывки, и больше так никогда не будет, никогда. Отец Юрки Вернигоры выступал в ремастерских, Костя Базанов позвал меня. Но Юркин отец ничего не сказал. Ему слесарь какой-то задал вопрос о Сталине, Вернигора ответил, что у Сталина были не только заслуги. И надо работать, засучив рукава, чтобы было ещё лучше.

Мама молчит.

4 июня. Нет, человек я ненадёжный. Бродил со Светланой по улицам и по железнодорожному парку, но вдруг свалилась на мою беду Женя Осипенко. Мы и раньше догадывались о чём-то, а тут я пришёл к ней домой за книгами, и мы обнялись и так простояли час, Женя заплакала.

Сегодня был у Светланы, она всё так же нравится мне.

18 июня. Толя Фатеев помогал мне писать шпоры по физике, но в десять вечера мы пересчитали наши рубли и смылись в ресторан на вокзале, нам принесли по сто граммов водки. Тут с бригадой грузчиков появился Генка Антончев, мой кумир, и поставил нам ещё по стакану. С непривычки мы опьянели, утром я кое-как пришёл на экзамен. Элеоноре я боялся смотреть в глаза, она, милая Элеонора, болеет за нас.

Книжка вторая. Студенческие годы

1956 год

16 ноября. Живу на Некрасова, 17, вместе с Симоновым из нашей школы, он поступил в горный институт. Ещё Венка Гончаров. Гена Мурзин, с химфака университета. Мурзин нравится – стихийная душа, а мои амурцы практичные, уже сейчас дрожат, сдадут ли сессию. Иркутск – совсем чужой город. Улицы чужие и чужие люди. Ангара – холодная, с пустыми берегами. Юридический факультет в корпусе, где всем вместе тесно. Хожу на лекции, ожидаю незаурядного, а – скукота.

20 ноября. Зачем приезжала ко мне мать? Чтобы убедиться, что её дитя делает шаг к светлому будущему? Я привёл маму к нашему корпусу и показал на ступени: вот здесь, мама, я сильно тосковал по дому, надо идти на экзамен, а я тоскую по Свободному. – Теперь ты знаешь, как я тоскую по Албазину, состарилась, а всё тоскую.

Мы медленно ходили по Иркутску, мама предложила найти Никитиных, их тоже растрясло в тридцатом году, они бежали в Иркутск. Живут на Тимирязева в тес-

ной квартире, у них так неуютно, что я попросил маму свернуть разговор на потом. Мы откланиваемся, тётя Татьяна говорит: «Прокурором будешь? Мало чужие мучили нас, теперь и свои прокуроры будут». Я отвечаю: нет, я никогда не буду прокурором. Кем же ты будешь? Я буду следователем по особо важным делам. Тётка Татьяна улыбнулась: «К важным делам тебя не пустят». Почему? «А за тобой ниточка тянется»... Мы уходим. Мать говорит: Герку из штаба уволили, раскопали, что отец был в ссылке. Так всегда – мне или не говорят правды, или говорят поздно. Гера работала в штабе Амурской военной флотилии машинисткой и вдруг ушла с работы. Сейчас, два года спустя, я узнаю, почему ушла. Мать говорит: ты в самом деле будешь следователем? И отвечает сама: ну да кем же, как не следователем. Мама, я никогда не буду казнить людей. Это я знаю, отвечает мать и внезапно плачет прямо на улице. Говорит: отец умирал и попросил меня на руки, я был голенький, а руки у отца холодные, я помочился на него, отец был счастлив. Ночью отец умер.

23 декабря. Блок не потрясает, но завораживает. Пробую вслух. Венка говорит: декадент. Мурзин молчит. Ренан потрясает: безоглядно верю, что Христос ходил по нашей земле. Но об этом парням я не говорю, будут смеяться.

1957 год

5 января. Пацан приносит рукописную пьесу Константина Чернякова «Верховный правитель» – о Колчаке. Черняков – бывший владелец этого дома, его, говорят, растрясли. Он всю жизнь преподавал в Хаминовской гимназии. Колчак на ходулях, но, видно, Черняков болеет за него, особенно когда чехи предают его. Не Христос, но насквозь положительный герой. Это интересно и ново. Но парням я не говорю об этом, будут дурно шутить.

18 февраля. Родина. Встреча с одноклассниками. Почему я такой сентиментальный? Они смеются, а я, будто уже прощаясь, грущу, хотя и смеюсь. Внезапно вижу в окне «Фотографии» печальное лицо Жени Осипенко, останавливаюсь, она не выходит. Я прикованно стою, не поднимаюсь на крыльцо. Окно замёрзшее – и только её лицо. Мы молча смотрим друг на друга, я ухожу растерзанный...

Что ты запомнил на первых экзаменах? Отвечаю: Гена Мурзин просил разбудить его в восемь утра, пойдёт сдавать первым, мы всю ночь пьем горячий чай и долбим, а Мурзин спит. Это злит нас. В пять утра я бужу его: пора. Он спокойно одевается, берёт зачётку, уходит. Все молчат. Через час он возвращается и ничком ложится на кровать. Мне ужасно стыдно своей дурной шутки. В восемь всё так же темно, пора поднять Мурзина, я это сделать не в силах. Симонов трогает его за плечо. Я не сплю, отвечает Мурзин, снова встаёт и уходит. Мы все сдали на четвёрки. Вечером Мурзин говорит: «Так шутить, Боря, нельзя». И всё.

28 марта. Боря Задерей, историк, сказал: «События в Венгрии были неспроста». Боря тренирует нашу секцию по волейболу, технарь похлеще моих тонкостей, и с ударом, играет за сборную университета.

Читаю «Литературную Москву», толстый сборник, подаренный мне с надписью директрисой: «Характер у тебя строптивый, но эту книгу ты заслужил». Тронула. Правда, много раз я мог быть отмечен за учёбу и прочее, но никогда меня не отмечали – дерзил всем подряд. Стихи: «В год затемнения и маскировки мы увидели ближних без личин» (война).

Без даты. Читаю Бунина, берёт оторопь. Так писать сейчас никто не может – попадать в душу. Интересно, почему мы не слыхивали о нём в школе? А стоило прочесть хотя бы «Антоновские яблоки». «Потом бабьим летом паутины много село на поля. Это тоже добрый знак: “Много тенетника на бабье лето – осень ядрёная...” Помню раннее, свежее, тихое утро... Помню большой, весь золотой, подсохший и поредевший сад, помню кленовые аллеи, тонкий аромат опавшей листвы и – запах антоновских яблок, запах мёда и осенней свежести. Воздух так чист, точно его совсем нет, по всему саду раздаются голоса и скрип телег»... Вот, я читаю, всё западает в сердце, мне охота на родину, на базарную площадь или на ту окраину, где мы классом проводили дни, где тёк сладковатый запах с кладбища. И где издали я смотрел в прекрасное лицо Вали Кузнецовой...

Снова во сне одноклассники, с белыми воротничками. Они прикасаются ко мне и безмолвно исчезают. Я просыпаюсь в одиночестве, смотрю в окошко, меня начинает раздражать храп Венки Гончарова.

На лекции почти не хожу, только на семинары. Это дурацкое обязательное посещение – грозят лишить стипендии.

1960 год

27 августа. Самуил Константинович Старосветский, начальник станции Кадуй. Репрессирован по доносу в 1936 году. В 41-м просится на фронт, срок в пять лет кончился, но ему велят сидеть дальше. Отсидел, вернулся, жена не пускает домой – боится врага. Он ночует в сарае, у соседей, наконец, жена смилостивилась, но нет-нет да вскрикнет: «Не зря тебя взяли!» Но реабилитировали Старосветского, а жена так и не верит, что 10 лет муж сидел «просто так», ни за что.

13 декабря. Село Урик. Могила декабриста Муравьёва – отхожее место. Церковь, построенная на их деньги, превращена в мехцех, трактора прямо въезжают в неё. Кругом мазут. И отборный мат мужиков.

Копейки в районной газете «Ленинские заветы». «Юнкер Корецкий» в университетской газете – не платят, увы.

Зачем учиться на юридическом маленький саха Катьгинский? Чтобы во зло естеству стать чиновником в своём нечиновном народе, брать взятки и спиваться. В узких его глазах оленья тоска.

Дрова, вода. Снова болеет Андрей.

Боже мой, какая претенциозность – город Свободный. Но я люблю этот город и не могу без него.

Асеев, бывший лейтенант погранвойск, ласковость ко мне. Он выручает меня, когда надо выпить и не хватает тройки, и огурца даст.

Что ни сторож, то философ.

Эти вечные войны залинейских и лазовцев, городских и окраинных изнурили нас и наше отрочество. В книги я спрятался от драк, в которых почти не участвовал. Пять библиотек в городе, я все их излазил полка за полкой. Боже, какую муру я читал, но рядом читал и много хорошего.

Пленные японцы грузят на страшном морозе уголь. Мы, пацаны, носим кипяток во флягах. Нам жалко японцев и чего-то стыдно. Они умирают – мы не видим одного, потом второго. Бывшие офицеры командуют и здесь и не подпускают нас к солдатам. Но видно, как они все тоскуют по дому: украдкой глядят нам вихры и что-то говорят хорошее. Мы приносим картошки, они пекут её на костре, приплясывая: ноги стынут, на ногах у них деревянные ботинки, совсем летние.

1961 год

17 января. Воспоминание о 54 годе, лето, мы в Гашенке, на полевых работах. В обеденную жару бабы и мужики бегут к пруду искупаться. Нинка Озерова купается нагишом. Председатель колхоза стыдит её с берега. Она стоит по колени в воде и отвечает:

– То ли тело у меня некрасивое?

Председатель мнётся и неотрывно смотрит на Нинку.

– То ли стыдно на красоту мою смотреть?

ИЗ ПИСЕМ 1955–1958 гг.

От редакции. Предваряя публикацию юношеских писем Б.И. Черных, сделаем некоторые пояснения.

Рита, которой адресованы письма, училась в той же школе № 9 Свободного, что и Борис, но классом старше. Окончив школу, она уехала во Владивосток поступать на кораблестроительный факультет политехнического института. А Борис остался доучиваться в Свободном. Поступить сразу Рита не смогла, поэтому устроилась на работу во Владивостоке (Дальзавод), чтобы на следующий год вновь попытаться поступить. И ей это удалось. А Борис после окончания школы выбрал юридический факультет Иркутского государственного университета (во Владивостоке в то время такого факультета не было). В Иркутске же училась и старшая сестра Риты – Лариса, она упоминается в переписке.

Переписка продолжалась четыре года и прекратилась, когда Рита вышла замуж и родила дочку Таню (она упоминается в последнем приведённом письме). Но письма Б. Черных она сохранила и много лет спустя вернула их с запиской: «Борис! Этим письмам 50 лет, и я их тебе возвращаю. Ты вправе встретиться с твоей юностью. Рита. Октябрь 2007 г.».

Сохранилось шестьдесят три письма.

Рита, чтобы это было в последний раз. Ну что это такое: «Я тебя проучу, когда ты поедешь в институт, не напишу тебе ни одного письма, пока ты будешь сдавать экзамены, вот тогда ты поймёшь, что это значит». Да понимаешь ли ты, что я забросал бы тебя письмами, если бы знал, куда писать. Ты ведь не договорилась со мной писать на главпочтамт... Потом, чуть не в каждом письме: «Ну, тебе ещё не надоело читать? Тебе, наверное, не интересно всё это слушать». Как тебе не стыдно это писать мне?

<...> Дома всё так же – ведь я тебе вчера и позавчера отправлял письма, а сегодня вновь пишу. Только проснулся я (часов в восемь), стали передавать концерт и песенку «Старый парк» (ты, помнишь, говорила, что она тебе нравится), я выхожу на кухню, на столе твоё письмо – чудеса! Рита, ты мне пишешь, чтобы я не был один, а сама вот даже с девчонками не пошла в парк. Послезавтра в школу, не придётся мне уже кого-то ждать в переме-

Председатель мнётся.

– А, мужики жён побросают? Они худосочные у них. А, ладно, одеваюсь, – она идёт величественно на берег. Юная Саския.

Председатель, как собачонка, заглядывает Нинке в глаза.

26 января. Кажется, все понимают – нужен стяг, нужен лозунг. Но стяги имеют свойство линять, а лозунги засиживают мухи. Поэтому время от времени стяги и лозунги меняют. Но у нации должна быть нравственная цель, на все времена единая.

Июль. Кузнец из Байкальска: «Нужно заказать русской бабе – пусть родит умного мужика, чтобы Россией правил». Так и написал, вся редакция сбежалась, все смеялись и повторяли: надо, надо заказать. Но Охонин, вздохнув, убрал из статьи это милое живое предложение. Я почувствовал себя обобраным.

«Пьяный корабль» Артюра Рембо. Наше время – это пьяный корабль. Знать бы наперёд, к чему придём. Как маятник – туда-сюда. И над смыслом, который хотя и скрыт, но тайно присутствует, цветёт пустое знамя. Красный смысл обесмыслен, я тихо начинаю жить в зелёном и голубом смыслах.

11 декабря. Но ведь надо уметь писать и о крупицах хорошего, о крупицах непотерянного добра и греть землю собственным теплом. Посему ныть бы кончить.

ну и идти вместе с тобою домой... Знаешь, Риточка, в военной (фантастической) книжке «Погоня за призраком» я встретил несколько строчек из стихотворения Эдгара По¹. Исключительно написано. Я тебе сейчас перепису, я запомнил их тотчас на память. Вот, представь, человек умирает и шепчет:

Шёлковый тревожный шорох в пурпурных портьерах, шторах
Полонил, наполнил смутным ужасом меня всего,
И, чтоб сердцу легче стало, встав, я повторил устало:
– Это гость лишь запоздалый у порога моего,
Это гость лишь запоздалый у порога моего,
Гость – и больше ничего...

¹Ниже приводится фрагмент одного из самых известных стихотворений американского прозаика и поэта Э. По «Ворон» (1845) в переводе М. Зенкевича. Единственное расхождение – предпоследняя строка, которая в оригинале выглядит немного иначе: «Гость какой-то запоздалый у порога моего». – Примеч. ред.